

Впервые Адель оказалась в Париже в десять лет.

Были осенние каникулы, и Симона сняла номер в маленькой гостинице на бульваре Осман. В первые дни она оставляла Адель в номере одну. Заставила ее поклясться, что она никому не откроет дверь, ни под каким предлогом. «Гостиница — опасное место. Особенно для маленькой девочки». Адель хотела сказать ей: «Тогда не оставляй меня». Но промолчала.

На третий день Адель устроилась под толстым одеялом на большой гостиничной кровати и включила телевизор. Она видела, как гаснет день, сквозь маленькое окно, выходившее на серый мрачный двор. Темнота заполнила комнату, а матери все еще не было. Адель попыталась заснуть под смех и музыку, сопровождавшие телерекламу. У нее болела голова. Она утратила чувство времени.

Она проголодалась, но не осмелилась взять что-нибудь из мини-бара, который мать назвала «ловушкой для туристов». Порылась в рюкзаке, ища шоколадный батончик или недоеденный сэндвич с ветчиной. Но нашла только две грязных конфетки с налипшими обрывками бумажной салфетки.

Она уже засыпала, когда в дверь постучали. Настойчиво. Все сильнее и сильнее. Адель подошла к двери, на которой не было глазка. Она не видела, кто стоит за ней, и не решалась открыть. «Кто там?» — спросила она дрожащим голосом. Ответа не последовало. Удары в дверь раздавались с удвоенной силой, она слышала шаги в коридоре. Ей показалось, что до нее доносится долгий хриплый раздраженный выдох, от которого дверь в конце концов слетит с петель.

Она так испугалась, что спряталась под кроватью, вся в поту, не сомневаясь, что в номер сейчас ворвутся и найдут ее здесь, плачущую, уткнувшуюся лицом в бежевый ковролин. Подумала, что надо бы вызвать полицию, поднять тревогу, кричать, пока ей не придут на помощь. Но сил сдвинуться с места не было — она почти лишилась чувств, оцепенела от ужаса.

Когда Симона около десяти вечера открыла дверь, Адель спала. Ее нога высунулась из-под кровати, и Симона схватила ее за щиколотку.

— И что ты здесь делаешь? Какую еще глупость учудила?

— Мама! Ты пришла! — Адель поднялась с пола и кинулась матери на шею. — Кто-то хотел войти! Я спряталась. Я так испугалась.

Симона взяла ее за плечи, внимательно посмотрела ей в лицо и ледяным голосом сказала:

— Ты правильно сделала, что спряталась. Так и надо.

Накануне отъезда Симона сдержала обещание и показала Адель город. Их сопровождал какой-то мужчина — ни его лица, ни даже имени Адель не запомнила. Она помнила только, что от него пахло мускусом и табаком и что Симона, нервная и напряженная, сказала ей: «Поздоровайся с дядей».

«Дядя» повел их обедать в кафе рядом с бульваром Сен-Мишель и впервые дал Адель попробовать глоток пива. Они перешли на другой берег Сены и дошли пешком до Больших бульваров. Адель медлила у витрин с игрушками в пассажах Вердо, Жюффруа, в галерее Вивьен и не слушала Симону, которая все больше теряла терпение. А потом они отправились на Монмартр. «Девочке понравится», — повторял «дядя». На площади Пигаль они сели в поезд для туристов, и Адель, стиснутая между матерью и этим мужчиной, с ужасом открыла для себя «Мулен Руж».

От этого визита на площадь Пигаль у нее осталось темное, пугающее воспоминание, одновременно мутное и ужасающе живое. Она помнила, как увидела — или ей показалось, что увидела, — на бульваре Клиши десятки проституток, полураздетых, несмотря на ледяную ноябрьскую морось. Помнила компании панков, наркоманов с нетвердой походкой, напомаженных сутенеров, транссексуалов с торчащими грудями и членами, обтянутыми леопардовыми юбками. Под защитой трясущегося поезда, похожего на гигантскую игрушку, стиснутая между матерью и этим мужчиной, которые обменивались похотливыми взглядами, Адель впервые ощутила эту смесь страха и желания, отвращения и эротического волнения. Это грязное желание узнать, что происходит за дверями почасовых гостиниц, в глубине дворов многоэтажек, на креслах кинотеатра «Атлас», в задней комнате секс-шопов, пронзавших сумерки розовыми и голубыми неоновыми вывесками. Никогда с тех пор, ни в объятиях мужчин, ни на прогулках по тому же бульвару многие годы спустя, она не переживала вновь это волшебное ощущение — прикоснуться к чему-то гнусному и непристойному, к буржуазной извращенности и человеческой низости.

Рождественские каникулы для Адель — темная и холодная дыра, сущее наказание. Ришар добрый и щедрый, Ришар ставит семью превыше всего, поэтому он пообещал, что все устроит. Он купил всем подарки, отвез машину на техосмотр и в очередной раз нашел прекрасный подарок для Адель.

Ей нужны каникулы. Она на пределе. Дня не проходило без того, чтобы ей не указали на ее худобу, осунувшееся лицо и перепады настроения. «Свежий воздух пойдет тебе на пользу». Как будто в Париже воздух менее свежий, чем где-то еще.

Каждый год на Рождество они ездили в Кан, к Робенсонам, а на Новый год — к родителям Адель. Это стало традицией, как любил повторять Ришар. Она не раз пыталась убедить его, что незачем тащиться аж в Булонь-сюр-Мер, чтобы повидать ее родителей, которые легко без них обойдутся. Но Ришар настаивал — ради Люсьена, «которому нужно знать бабушку и дедушку», и ради нее, «потому что семья — это важно».

Дом родителей Ришара пахнет чаем и хозяйственным мылом. Одиль, свекровь Адель, редко высовывается из своей огромной кухни. Иногда она приходит посидеть в гостиной, улыбается гостям, пьющим аперитив, обменивается с ними парой фраз и снова идет к плите. «Ну мам, побудь с нами, — канючит Клеманс, сестра Ришара. — Мы же не есть пришли, а с тобой повидаться», — вечно повторяет она, набивая рот тартинками с фуа-гра или печеньем с корицей. Она всегда предлагает помочь матери и клянется, что в следующий раз сама приготовит ужин. И, к большому облегчению Одиль, погружается в бесконечный сон, зачастую слишком пьяная, чтобы различить, из чего сделана закуска.

Робенсоны умеют принимать гостей. Ришара и Адель встретили смехом и хлопками пробок шампанского. В углу гостиной стояла огромная елка — такая высокая, что верхушка уперлась в потолок и согнулась, отчего казалось, что елка вот-вот рухнет.

— Вот дурацкая елка, правда? — фыркнула Одиль. — Я говорила Анри, что она слишком высокая, но он не захотел ее подпилить.

Анри пожал плечами и развел руки в знак бессилия. «Старею...» Взгляд его голубых глаз встретился со взглядом Адель, словно выражение признательности, словно они одной крови, одного племени. Она склонилась к нему и поцеловала — в нос ударил запах ветивера и пены для бритья.

— Прошу к столу!

Робенсоны ели и за едой говорили о еде. Делились рецептами и адресами ресторанов. Прежде чем сесть за стол, Анри отправлялся в погреб за вином, которое вызывало громкие вздохи восхищения. Все смотрели, как он

открывает долгожданную бутылку, переливает нектар в графин, комментирует его цвет. Разговоры смолкали. Анри наливал немного вина в бокал, оценивал аромат. Пробовал. «Ах, дети мои...»

За завтраком, пока малыши ели, сидя на коленях у родителей, Одиль принимала серьезный вид. «А теперь скажите-ка мне, чего вы хотите на обед?» — с расстановкой произносила она. «Что пригото­вишь», — обычно отвечали Клеманс и Ришар, привычные к повадкам матери. За обедом, когда Анри, не успев еще вытереть губы после череды паштетов и сыров, открывал третью бутылку «того испанского винца, которое так хорошо идет», Одиль вставала и, взяв свою тетрадку, принималась жаловаться: «Совсем никаких идей на вечер. Чего бы вам хотелось?» Никто не отвечал, или отвечали вяло. Анри, растрепанный и отяжелевший от неодолимого желания вздремнуть, иногда огрызался: «Мы еще обедать не закончили, а ты опять нас достаешь!» Одиль замолкала и дулась, как молоденькая девушка.

Эти церемонии одновременно смешили и раздражали Адель. Она не понимала этого благовоспитанного гедонизма, этой всеобщей навязчивой тяги к «вкусной еде» и «хорошей выпивке». Ей всегда нравилось быть голодной. Чувствовать, как она сникает, пошатывается, как вваливается ее живот, — и побеждать, больше не хотеть есть, быть выше этого. Она взрастила худобу как искусство жизни.

В этот вечер ужин опять затянулся на целую вечность. Никто не заметил, что Адель едва притронулась к еде. Одиль больше не предлагала ей добавки. Ришар немного опьянел. Он говорил о политике с Анри. Они обзывали

друг друга фашистами и буржуазными реакционерами. Лоран попытался вклиниться в разговор:

— Зато...

— «С другой стороны», — перебил его Ришар. — Надо говорить не «зато», а «с другой стороны».

Адель тронула Лорана за плечо, встала и поднялась в спальню.

Одиль всегда помещала их в желтой спальне, самой большой и тихой. Это была мрачноватая комната с ледяным полом. Адель забралась в постель, потеряла ступни одну о другую, чтобы согреть, и погрузилась в болезненный сон. Ночью ей иногда казалось, что она просыпается, но не до конца. Ее ум бодрствовал, но тело сковывало мертвенное оцепенение. Она чувствовала присутствие Ришара рядом с собой. Ее охватывало тревожное ощущение, что ей никогда уже не вырваться из этой летаргии. Никогда не пробудиться от этих слишком глубоких снов.

Она слышала, как Ришар принимает душ. Ощущала, как проходит время. Догадывалась, что наступило утро. До нее доносился голос Люсьена и лязг кастрюль вдалеке, на кухне у Одиль. Время было позднее, но сил подняться у нее не было. Еще пять минут, решила она. Еще пять минут — и день может начинаться.

Когда она вышла из спальни с мокрой головой и припухшими глазами, посуду после завтрака уже убрали. Ришар оставил ей тарелку с едой на кухне. Адель села выпить кофе. Улыбнулась Одиль, та вздохнула:

— Столько дел сегодня. Даже не знаю, как со всем управиться.

Адель смотрела на сад за панорамным окном. Рослые яблони, ледяная морось, дети, укутанные в пуховики,

катаются с мокрой горки. Ришар играл с детьми. Он надел резиновые сапоги и жестом звал Адель присоединиться к ним. Слишком холодно. Ей не хотелось выходить.

— Ты очень бледная. Плохо выглядишь, — сказал Ришар, вернувшись в дом. И протянул руки к ее лицу.

Анри и Клеманс настояли, что тоже поедут смотреть дом. «Я хочу это видеть. Представляешь, местные называют его замком!» Одиль почти что вытолкала их за дверь, радуясь, что никто не будет мешать ей готовить рождественский ужин. Лоран остался присматривать за детьми.

Ришар нервничал. Он отчитывал Клеманс, которая все никак не могла усесться в машину. Взял с отца слово молчать во время осмотра. «Вопросы буду задавать я, понятно? А ты не встревай». Адель сидела сзади, благоразумная и безразличная. Она смотрела на толстые ляжки Клеманс, растекшиеся по сиденью. И на ее руки с обгрызенными ногтями.

Ришар без конца оборачивался. Как она ни твердила ему, чтобы смотрел вперед, он смотрел только на нее, словно протоколируя, какое впечатление на нее производит эта загородная дорога. Как ей эти мокрые холмы, этот подъем, эти мостки вниз? Как ей въезд в поселок? А церковь — только она и пережила бомбардировки в войну? Может она представить, как день за днем будет бродить среди этих склонов, засаженных кривыми яблонями? Среди этих

долин, изрезанных ручьями, по тропинке, ведущей к дому? Нравится ли ей эта стена, заросшая плющом? Адель сидела с непроницаемым лицом, почти уткнувшись в стекло, и не желала ничего комментировать. Она контролировала малейший взмах своих ресниц.

Ришар припарковался перед деревянными воротами. Месье Рифуль ждал их, заложив руки за спину, словно застывший во времени хозяин замка. Настоящий гигант, тучный и краснолицый. Ладони у него размером с детское лицо, а ноги того и гляди уйдут в землю. Седая шевелюра, густая и курчавая, отдавала желтизной. Издали он выглядел впечатляюще. Но, подойдя, чтобы поздороваться, Адель заметила нестриженные ногти. Оторванную пуговицу посередине рубашки. Подозрительное пятно между ног.

Владелец жестом указал на входную дверь, и они вошли в дом. Ришар скакал по ступенькам крыльца, как щенок. Его «о да» и «отлично» отмечали осмотр гостиной, кухни и веранды. Он поинтересовался отоплением и состоянием проводки. Сверился с блокнотом и спросил: «А что с гидроизоляцией?» По пути между гостиной, где широкие застекленные двери вели в очаровательный сад, и старой кухней месье Рифуль провел их в маленькую комнату, обустроенную под кабинет. Дверь он открыл неохотно. Комнату не убрали, и в луче света, пробивавшемся сквозь синие занавески, висела густая завеса пыли.

— Жена много читала. Книги я заберу. Но письменный стол оставлю, если хотите. — Адель не сводила взгляда с больничной кровати, придвинутой к стене, с аккуратно сложенными белыми простынями. Под креслом пряталась кошка. — Под конец она уже не могла подниматься наверх.

Они прошли по деревянной лестнице. По всем стенам висели фото покойной, красивой и улыбающейся. В большой

спальне, за окнами которой рос столетний каштан, на тумбочке лежала щетка. Месье Рифуль наклонился и разгладил своей огромной ладонью покрывало в розовый цветочек.

Дом, чтобы стареть, думала Адель. Дом для любящих сердец. Он создан для воспоминаний, для приятелей, которые заходят ненадолго, и для тех, кто уходит навсегда. Ковчег. Диспансер. Укрытие. Саркофаг. Прибежище приведений. Театральная декорация.

Неужели они настолько постарели? Неужели их мечты могут остановиться здесь?

Неужели настало время умирать?

Выйдя наружу, они вчетвером осмотрели фасад. Ришар повернулся в сторону парка и указал на него:

— Докуда он доходит?

— Далеко, очень далеко. Видите весь этот сад? Все ваше.

— Будет из чего печь пироги и варить варенье Люсьену! — рассмеялась Клеманс.

Адель взглянула на свои ноги. Ее лакированные мокасины промокли в сырой траве. неподходящая обувь для загородной поездки.

— Дай мне ключи, — попросила она Ришара.

Она села в машину, разулась и принялась греть ступни в руках.